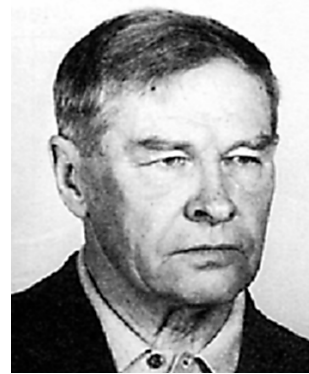


---

## СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ

**Борис Петров**  
(г. Красноярск)



*Борис Михайлович Петров, по профессии педагог, работал учителем, партийным функционером, журналистом, пройдя путь от литсотрудника районной газеты до собкора-известнца. Им написано 19 книг многожанровой прозы. С 1968 года живет в Красноярске.*

### КОНЦЕРТ В ОСЕННИХ СУМЕРКАХ

Нынешней осенью я несколько дней жил в заброшенной полевой избушке, на краю обширного таежного болота, в одном из дальних районов нашего края. Когда-то была пашенная заимка, да надобность в ней отпала: забросили дальние поля, где сеяли хлеб, буйно разгулялись бурьяны, одичала земля. Избушка имела вид запущенный, печка развалилась, и я, приходя сумерками, жег за углом костер, сушился, варил похлебку. И в первый же вечер услышал...

Мгновенная мысль была такая: как будто настраиваешь приемник — протяжно провыло, и тут же грянула неразбериха разнокалиберных звуков — тиликанье, визг, лай, подвыв,— мешанина радиопомех. Но эта схожесть была только первым случайным впечатлением. Сразу всплыл в памяти давний день, когда я уже слышал все это, и пришло холодно осознание: волки. Где-то в километре или меньше от меня — логово, около него серое семейство устраивает свой обычный осенний концерт. Ну, конечно, снова затянули.

Первым заводил солист — густым басом, начиная низко и постепенно возвышая тон: а-а-оооуу-ы-ы! На подъеме подхватывала «втора» — потоньше, баритоном, зато как-то фигуристее. Не успевали два воя слиться в дикий дуэт, как вступали тенора, и следом — вразброд — целый хор с гиканьем, визгом, подбрехом! Они-то больше всего и создавали впечатление свистопляски в эфире. Так поддерживали матерых и переярков молодые волчата: выть еще не умеют — подлаивают, скулят, взвизгивают.

Да, такой концерт не забудется. Тоскливые, щемящие душу голоса солистов, вакханалия звериного хора — ощущение жуткое; даже когда знаешь, в чем дело, невольно мурашки начинают бегать. Одарил же нечистый дух проклятых такими «нечеловеческими», безысходно-заунывными голосами! У меня под рукою ружье, да и точно знаю,

что они к дому не пойдут, а какво простому запоздалому путнику? Само собой забормочется: «Спаси, Господи, с нами крестная сила!..» Вся вековая их дикая тоска, отрешенность всем миром ненавидимых и всех ненавидящих слилась в этих звуках...

Еще два вечера я прожил на заброшенной заимке, и каждый раз, когда осенние сумерки сгущались, и холодная ночная мгла лиловым туманом затапливала болото (недаром еще раньше я про себя назвал его «Хмурая марь!»), а в небе проглядывали первые звездочки, начинались эти жутковатые концерты. И в памяти моей все отчетливее возникали совсем, казалось, забытые встречи и разговоры...

Самые первые послевоенные годы. Я, начинающий охотник, услышал такой же вот концерт и прибежал к знакомому старику Василию Филипповичу Косареву. О нем говорили, будто слыл когда-то завзятым волчатником, егерем старинной закалки. Услышав мой возбужденный, сбивчивый рассказ, Василий Филиппович оживился, даже почти засобирался — как же, ведь выводок найден! Обязательно надо теперь же всех порешить. Да вскоре и заохал, стал хвататься за спину — какое там ему в лес... Но мне при тех встречах порассказал многое.

Среди разных охот на волков почетное место занимало умение вабить, то есть подвывать голосом серого. Кстати, сам старый егерь в разговоре старался избегать слова «волк» — употреблял всякие иносказания вроде того: «зверь», «кум», «Кузьма» и т. п. По старинному поверью считалось, что поминать его напрямую нехорошо, как и всякую нечистую силу, с которой он, несомненно, в сговоре. Рассказывал, что начинают они выть с конца лета, когда волчата подрастут и первыми подадут голос — перьяркам, которые все время обитают в окрестностях логова. Самое верное дело — заставить откликнуться молодежь, когда старики ушли на промысел, стало быть, поздними вечерними и ранними утренними сумерками.

— Ну, вот они отозвались, а дальше что? — нетерпеливо допытывался я.

— А дальше уж, почитай, в твоих руках они! Хорошо, когда идешь вдвоем или втроем: расставишь всех по разным углам, каждый со своей стороны засекает, откуда голоса, вот и получается точная картина.

— Ага, «запеленговали!» А потом-то что?

— Да мало ли. Можно во флажки их затянуть, взять облавой. Ино попытаться на подвывку выманить и стрелить...

Долго я уговаривал старика Косарева показать, как вабят. Он отнекивался: дескать, и голос стал не тот, и давно не практиковался, и соседей нечего полощить. Но однажды решился. (Признаться грешным делом, принес я ему «чекушку» для куража.) Тщательно откашлялся, сложил руки рупором у сухого рта, придавив горло с обеих сторон оттопыренными большими пальцами, а указательными слегка сжав переносье, закинул голову и затянул — сперва низко, угрюмым басом, потом забрал повыше, тоскливее (раскрывая ладони рупора у рта) и, стихая, вовсе безысходно опустил звук к концовке «арии»:

— Аааа-оооууу-ыы!

Жуткое впечатление. Хоть и сидели в комнатенке, и видел я перед собой живого человека. А ну как захватит тебя эдакое в дичающем к ночи лесу? Поневоле морозом всю кожу продерет.

— Нет, не то,— горестно проговорил Василий Филиппович, кончив вабу, отирая губы.— Мощи настоящей нет, гнуса — настроения.

А мне запомнилось на всю жизнь. Вот когда всплыло в памяти — сколько лет минуло с тех голодных послевоенных.

Кстати, это всегда так было — волки искони размножились и процветали на человеческих несчастьях. Как война, мор, голод, людское лихолетье, так серые берут силу и торжествуют. Вот, видать, и нынешние «реформы» пришлись волкам по вкусу. Да и не только тем, которые в тайге орудуют...

## ХОЗЯИН СТАРОГО ПЧЕЛЬНИКА

В конце сентября у меня выкроилась охотничья поездка дней на пять. Тихая, смиренная пора, когда осыпается легковесное золото листвы, дышат грустным запахом увядания березняки и осинники и хлебные поля желтеют стриженной стерней сквозь белые стволы колков. Я забрался в самый глухой угол далекого района, в сторону от оживленных дорог, и душа замирала в предчувствии покоя, одиночества и полной расслабленности.

Давно не езженная колея привела на обширную поляну, молодо зеленевшую сочной отавой; посреди чернела старая-престарая приземистая изба с насупленной замшелой крышей и криво распахнутой тяжелой дверью из плах. Я слышал, где-то в этих местах сохранился брошенный пчельник, и сразу понял, куда попал. Но рано обрадовался ночлегу под крышей: уж очень запущенным оказалось жилье. Пол за порогом провалился, перекособоченная дверь еле затворялась, всякий раз издавая ржавый скрип, а матица потолка угрожающе провисла, при ее виде голова сама старалась вобраться в плечи. Хорошо еще, что в низких окошках уцелели стекла, только одна рама была выставлена, однако сохранилась снаружи, прислоненная к бревенчатой стене в зарослях почерневшей крапивы. В общем, картина полного запустения. Это тем более удивляло, что поляна возле пчельника имела обжитой вид. Рядом с избой из горбыля и рубероида был сколочен аляповатый балаган, громоздился длинный артельный стол на колченогих козлах, чернел обширный круг кострища, валялись вокруг напиленные бензопилой чурки. Бригада жила капитально, о чем свидетельствовало также количество консервных банок и пустых «флаконов» за углом. Ставили сено или заготовляли дрова. Ребята, видать, молодые и веселые, что я определил по художественному оформлению стана — по притолоке над входом было выведено: «Аттракцион «Проверь себя», а на двери мелом же представлена прекрасная русалка с фигурными губками карточной дамы, легкие волночки ласкали обольстительно пышные груди. Я усмехнулся романтической фантазии небесталанного художника. Одно было непонятно: для чего понадобилось разваливать в избе печку? (От нее осталась лишь груда закопченных с одного бока кирпичей.) Сами квартировали в жаркую пору, но зачем же безобразничать? Э-хо-хо, забыты старые таежные законы.

Ужинал в темноте, одиноко, за длинным столом, как председатель, покинутый членами коллегии. Отблески огня играли на двери — казалось, прекрасная русалка иногда шевелилась и подмигивала, я нет-нет оглядывался на нее. Спать, разумеется, пошел в избу. Притащил из балагана охапку утолоченного сена, сверху расстелил пиджак, в изголовье, пока устраивался, затеплил свечку. Наконец вытянул усталые ноги, прикрылся курткой и задул огонек. В темноте проплыло облачко едкого парафинового чада, затем из углов потянуло тонким, впитавшимся в стены медовым духом и ароматом сотового воска. Я глубоко вдыхал этот старинный ладанный дух, истома расслабленных мышц разлилась по телу. Сладкий сон принимал меня на свои пуховые крылья...

И тут в темноте неподалеку что-то зашущукало, зашептало, невидимо прошестелело проворными лапками и поскреблось. Вот же тварь — мыши, терпеть не могу. Спасу от них нет в таежных избушках: все источат, крупу просыпят, сухари обгадят, полиэтиленовые мешки издерут в мелкую крошку. Я громко постучал ладонью возле себя и выругался:

— У, паразитки, пошли прочь!

Как будто они меня послушаются... Пришлось зажечь свечку. Тщательно осмотрел нару вокруг себя, на всякий случай поколотил по ней торцом топорика, еще поругался. Мыши пришипелись. Однако стоило загасить огонь и отдаться дреме, темнота снова ожила. На этот раз звуки слышались более грубые, откровенные и...

непонятные. Не рядом, а в противоположном углу — кто-то ворохнулся, почесался и вздохнул. Хрустнула старая прогнившая матица. Только этого не хватало! Потрещит да и рухнет на голову. Парни жили молодые, а лодырюги: нет чтобы подпереть потолок — все бросили и убралась на улицу... Не успел я про себя поругаться, как в раме слегка задребезжало стекло, что-то прошелестело от стены к стене и будто слегка опухло. Нет, это не мыши, скорее — птица. Живет под крышей сова и в темноте начинает шастать. Что ей делать-то в избе, в лесу надо охотиться! А-а, я же вставил раму и затворил дверь — не может вылететь! Чтоб у нее глазищи лупатые вовсе выпучило. Придется вставать еще раз. Поднялся, распахнул дверь в темноту.

— Прошу, пани! Совушка, чертова вдовушка. Выметайся и не мешай отдыхать порядочным людям.

Постоял у порога, придерживая дверь рукой наотмашь, подождал... И вдруг подумал: «Но если она живет на подложке, то как попала ко мне в избу через закрытые окна-двери? Ерунда какая-то...» Плюнул, затворил дверь (до чего отвратительно скрипит!), снова устроился на своей лежке. Подождал, прислушался,— кажется, стихло. Нет, опять в темноте кто-то зашевелился и даже как будто презрительно фукнул, потом что-то ударилось... Ну, вот что, все равно больше вставать не буду, хоть распляштесь посереде избы!

Конечно, любопытно, что это может быть. Ласка гоняет мышей? Для нее звуки тяжеловаты. Кстати, когда сегодня черпал в ручье воду, видел на грязи медвежий след, довольно свежий. Эдакая первобытная растоптанная лапища с узенькой пяткой. А когтищи! Так и подворачиваются под след, глубоко впиваясь в грязь. Разумеется, миша тут ни при чем, просто вспомнилось. А вот кошку парни могли бросить — одичала и шмыгает, вполне реально. Хотя звуки вроде крупнее, как бы сказать, собачьи.

Я лежал в темноте и спокойно перебирал варианты, может, лишь немного сердясь. Однако усталость после долгого дневного перехода брала свое, дрема одолевала. «Надо днем слазить на чердак, посмотреть, кто там обитает»,— подумал я, засыпая.

Утром, прежде чем отправиться на весь день, я по двери взобрался под крышу избы. Там было пыльно и пусто. Валялось несколько старых рамок для сот, сопревший мех с железным клювом — остатки дымокура, пучок пересохшей, потерявшей вид травы. Никаких признаков чьего-либо присутствия — ни следов на сухой земле, ни птичьего помета, пахло пылью и сажей.

Зато в горнице, в углу под потолком, я обнаружил не замеченное накануне в сумерках гнездо ласточек. Вот для кого была выставлена рама из окна! Вспомнилась детская примета: «Кто ласточек зорит, будет конопатый!» Обитатели гнезда давно улетели. «Может, в нем поселился кто-то другой? — мелькнула догадка.— Сломать гнездо — разогнать ночную нечисть...» Стать конопатым я уже не боюсь, но... какое же существо может спрятаться в этом гнездышке? Даже молодые охламоны, жившие до меня, не тронули птичьего дома (хотя и развалили печь...). Нет, просто смешно: с перепугу начал громить ласточкино гнездо! Стыдно, братец, стыдно.

И в этот момент с удивлением заметил на подоконнике коробок спичек — тот самый, мой. Утром собирался разжигать костер, хлоп, хлоп по карману — не брэнчат. Оставил рядом со свечой? Вернулся в избу — на нарах коробка не было. Пришлось доставать запасные. А он вот где, вчерашний, на подоконнике... Но я не подходил ночью к окну, прекрасно помню! Что за ерунда, в самом деле? И по воздуху перелететь не могли. Тоже мне шуточки — прямо сказать, боцманские! Как они туда попали-то? Выходит, я не все помню, что тут колобродил ночью, вот до чего заморочил себе голову.

Охота в этот день не сложилась: бродил, бродил — все без толку. И нет-нет вспоминал ночные события. Пытался подшучивать над собой, но получалось натяну-

то и невесело, только росло раздражение. И еще эта пышногрудая русалка в бликах огня — опять вечером шевелилась и подмигивала за спиной...

Стоило мне, снова устроившись на ночлег в избе, погасить свет, как в темноте сразу воспрянула чертовщина, будто ждала с нетерпением. Фантомас мой вовсе разошелся. Послышалось сопение, кто-то начал бродить, уронил что-то на чердаке, затем принялся копать в углу. Я тихонько протянул руку за фонариком (всегда кладу на ночь рядом), резко схватил — рраз! — и высветил угол желтым лучом. Ничего нет... Пошарил круглым пятном по стенкам, потолку — пусто. Но затихло. Выключил фонарик, прислушался — тут же возобновилось. Так и спать, что ли, при огне? Главное, непонятно. Вдруг так же включишь, а оно — вот оно, волосатое, рогатое, с козлиными глазами... Хотя явно: е-рун-да все это, чушь собачья!

Черт ее знает, взрослый и образованный, в общем, человек, а все равно в ночной темноте что-то такое вздымается со дна подсознания — тоже темное, пугающее. Никак не могут люди отделаться от древних ночных страхов. Наверное, мы получаем их с генами от своих пращуров, как остатки волосяного покрова (который научились облагораживать в современные прически, лихие усы и гусарские бакенбарды). Помню, мальчишкой — идешь ночью и все время ощущаешь спиной и затылком, будто позади кто-то крадется. Вдруг замрешь, чтобы застать его врасплох, — тихо вокруг. Страх охватывает тебя, жуткий, доисторический страх. И теперь, случается, знакомые женщины недоверчиво восклицают:

— Так и ночуете в тайге один?! А если вдруг...

А что, собственно, вдруг? Чего реально остерегаться ночью в наших лесах? Волки да медведи сейчас сыты, лихие разбойники, которые могут напасть... Кто же теперь пойдет ночной порой, чтобы нападать? Все по домам сидят, телевизор смотрят. А из лесных обитателей ночной образ жизни ведут зайцы, мыши, совы — господа, и пусть себе ведут! Остается разная нечисть — лешие, ведьмы да кикиморы. Так ведь всякому с первого класса известно, что это бабушкины сказки — только в книжках и мультиках. И все равно ночью боязно. Почему?

В детстве было — потому, что ночной жизни леса я не знал. А раз шорох или очертания не объясняются — возникает испуг. Совершенно законное, надо сказать, опасение неведомого. Если б все живое перло без опаски на рожон, короток был бы его срок на земле: страх спасает от неведомого. Чем меньше знаний, тем больше опасений. Дети трусят — еще мало знают. Древние люди всего в мире боялись — потому что большинства явлений не могли объяснить. А теперь никаких леших-водяных в моем лесу не водится — все только бездуховные деревья вокруг, неразумные зверушки да птахи, у которых и мозгу-то с наперсток. Не стало у меня боязни перед природой, воображению в моих лесах дела почти не осталось, фантазии и мифам вообще места нет — одни знания между нами, только холодный, расчетливый ум. Да, мир стал скучнее, все равнодушнее мы к природе. А ей теперь каково? Ну, природе-то вообще худо: коли боязнь у меня перед нею исчезла и никаких богов-святых в ней не осталось, то... Да, худо теперь ее дело.

Но мой неведомый обитатель старого пчельника — совсем другая штука, вообще не память о страхах древних предков! Вполне реальные события и ощущения... И отношения у меня с ним складывались все более напряженные. Стоило задуть свечку — начиналось: мягкими шажками прошлепает по полу в угол, по пути что-то зацепит — раздастся отчетливый бряк падающей железяки. Нервно хватаю в темноте фонарик — шелк! Луч пересекает избу наискось — никого. Но посреди пола поблескивает моя ложка. Которая только что — я точно помню! — лежала рядом на наре, вместе с котелком и кружкой. (Это от нее такой металлический гром?..) М-да, скажи спасибо, что не опрокинули на голову котелок с похлебкой. А кто должен был опрокинуть-то, кто?! Нет, или у меня самого крыша поехала, или кто-то есть. Бред какой-

то. Главное, что теперь делать? Собирать манатки — и на улицу, в дырявый балаган? А там уже часа два мерно и неторопливо бормочет по листве, по траве холодный ночной осенний дождь. Мокресть, промозглость. Да и глупо ведь, глупо! Чего испугался, от кого бежать?!

Э, вот почему не стали спать в избе покосчики, хотя и устроили нары! И что означает надпись «Проверь себя»? Значит, этот леший красноплеший и до меня тут обитал, не надо мной первым потешается. («Надо бы с ним повежливее: услышит — обидится... Чур меня, чур!» — хмыкнул я про себя.) И печку наверняка потому развалили — думали, что в ней кто-то прячется. Да только не помогло. Спасибо на этом, теперь хоть будет спокойнее, что не сам я тряхнулся мозгой. И русалочку, поди, хозяину избы преподнесли, чтобы отвлекся и оставил в покое. Только, видать, стар уже наш доможил... А, чтоб его, опять, опять!

— Эй, кончай шкодить! — во весь голос заорал я.— Кыш, нечистый дух! А то сейчас... как это вас раньше заклинали: «С нами крестная сила, свят, свят, свят!»

Ффу, да что это я бормочу? Вот бы кто из знакомых услышал. А рука между тем непроизвольно шарилась в темноте — ближе пододвинуть ружье. Нервная дрожь пробежала у меня по всему телу, родившись где-то под затылком и спустившись до живота. Брр! — передернул плечами (так, что ли, русалки раньше шекотали?). Вот ведь погань навязалась.

Опять, опять! Я с ужасом почувствовал, как кто-то пахнул возле самого лица и ткнулся в грудь... У-у, тварина, кыш, брысь, свят-свят!.. И, схватив ружье, я грохнул в противоположный угол из обоих стволов: ббу! ббу! Там что-то посыпалось, в избе кисло завоняло выстрелом-бездымкой.

Кое-как я перебил эту кошмарную ночь. Рассвет пришел мутный, слезливый и долгий. До полудня просидел в избе — идти в лес было бесполезно, сразу вымокнешь до нитки от нависшей в листве, на голых ветвях и в траве мороси. Да и дичь отсиживается в такую непогоду по укромным местам. Варил кашу, чистил и смазывал ружье, пересчитывал патроны — тоскливо убивал время. И поглядывал в угол, где раньше было ласточкино гнездо. Дробью его разворотило, комочки сухой грязи, перемешанной с былинками, раскрошенные, валялись на полу, внутри распотрошило пуховую лунку, нежные перышки. Неприятное зрелище разора, собственного постыдного поступка... Но разве я виноват? Что теперь делать-то? Голова после бессонной ночи была тяжелой, как чугунок с картошкой. В довершение всего, на этот раз я никак не мог найти кружку. Была — в руках держал! Ясно помнил, что с вечера, как обычно, поставил рядом с котелком. Искал-искал, но как-то обреченно, расшатанная ночными чудесами психика устала реагировать остро. Махнул рукой и стал пить из крышки котелка. «Итак, домовой, здрасте-пожалуйста», — растерянно думал я, прихлебывая чай. Даже забыл: языческая это нежить или христианский бес, как с ним бороться — молитвой с крестным знаменем либо заговорами, рубаху наизнанку вывернуть? Разницы нет: ни молитв, ни шаманства я не знаю, совершенно перед этой таинственной стихией беззащитен. Эка учудил — дробью по нечистой силе, с огнестрельным оружием — на антимир! Смешно... Акт отчаяния. Гм, по законам, так сказать, драматургии: висело ружье — вот и выстрелило... Кстати, какие они из себя, настоящие домовые?

Мне почему-то представился старичок с грубым деревянным лицом, прямой бородой и твердым носом — весь вырубленный из чурки (теперь пошла мода — деревянные фигуры на детских площадках...). А может, он такой мягкий поролоновый дедушка со щеками, покрытыми белой шерстью? Какой это дух — злой или добрый? Не ведаю... Похоже, не злодей: в старые времена их, помнится, специально зазывали в новую избу. Хотя мелкое вредство порой проявлял: скотину пугал («не ко двору пришлась!»), заплетал гривы... Наверное, они, как и люди, были разные по характеру.

Или приходилось напоминать о себе, чтоб чтили. Ага, крошки ему в подпечек бросали, брызгали винца. Хотя тоже непонятно: если хозяин в доме, мог бы и так взять, что понравилось. Вон ложку чуть не утянул, кружку к рукам прибрал... Рассуждал-то я печально, однако порой не мог удержаться от ухмылок — над собою, конечно!

Дождь на улице прекратился, но в воздухе было сыро и морозно; я занес котелок с супом в избу, пристроился обедать на углу нары. Усмехнувшись, прежде чем хлебать, бросил в угол несколько крошек хлеба:

— Садись-ка со мной, дедушка, в такую погоду горяченького похлебать вот как хорошо!

И подумал: «А что, правда, я с ним воюю? Кому от этой конфронтации польза?»

— Нет, в самом деле, дорогой, давай лучше жить миром, а? Чего нам делить? Я через пару ночей уйду. Вон, понимаешь, ласточкин дом пострадал, безвинных птах...

Вечером все же сходил погулять по окрестным лесным покосам. Всюду по отаве торчали последние грибы — мокрые хлипкие шляпы. Ненастные облака постепенно расходились, перед закатом проглянуло слабое солнышко. Вернувшись на пчельник, первым делом увидел пропавшую кружку — она преспокойно белела на дальнем конце длинного уличного стола. Сам поставил и не заметил? А мог и дед мой пошутить. Он тут так давно живет, такой, поди, старенький. Всеми брошен и забыт, никому не нужен. И вдруг появляются какие-то проходимцы, начинают наводить свои порядки. Я бы на его месте, пожалуй, тоже... Ну, позабавился маленько, но, если честно, ведь не шибко — лень ему со мной заниматься. Это я сам затеял свару, начал хвататься за оружие. А к чему? Пару ночей осталось — чего зря конфликтовать?

Вечером, устроившись на своей наре, я полежал, полежал при свече и, прежде чем задуть огонек, пробормотал в угол:

— Покойной ночи, соседушко... Даже веселей, понимаешь, когда кто-нибудь рядом...

(Но честно — это я ему льстил, кривя душой.)

Он сызнава принялся шастать и вздыхать в темноте, да так печально и одиноко. А я лежал под курткой, притаив дыхание, и делал вид, что ничего не замечаю. Вокруг в темноте колесом летали ложки, кружки и коробки, коловращалось неведомое — ну и пусть. Вдруг мягкой шерстяной лапой провел мне по лицу. Я вздрогнул, сжался, весь внутренне напрягся. Но ничем не выдал своего ужаса и отвращения. И он постепенно отстал. По-прежнему вздыхал, скребся и шуршал, но меня больше не трогал. У него были другие привычные заботы.

Бесы, нежить бессловесная, агенты антимиров, дематериализованная энергия, полтергейст — все перепуталось на земле... Главное, я сам чуть было не развязал с ними форменную войну не на жизнь, а на смерть. А зачем, спрашивается? Наш дурацкий принцип — выяснять, «кто под кем ходит»... Пращуры тысячелетиями мирно жили со всякими соседями по планете — и не вымирали, даже наоборот — множились! Но постепенно, набираясь сил и знаний, человек стал преисполняться гордыней: «Все постиг, могу повелевать и переделывать! Царь природы... Реки — поверну, горы — перенесу, леса — сведу и посажу другие, недра — выверну наружу, буду летать быстрее звука и выше неба!» Достиг. И что, живем теперь счастливее? Нет, счастья на земле больше не стало, только что количество людей на планете выросло, это математический факт. Ну и что, разве в том смысл жизни?

Главное, и численности своей, самому собственному существованию создал невиданные прежде угрозы — сам сотворил! Если не всесветный атомный катаклизм, то медленное вымирание от ядовитого воздуха, отравленных почв и вод, смертоносных осадков. Доцарствовался, допокорялся! От собственной гордыни и погибнешь...

Так не проще ли жить с окружающим миром в ладу? Я попробовал — мир снизошел на мою душу: в эту ночь впервые спал спокойно. Пусть себе шебаршит — видишь же спокойные сны под ночной шорох дождя... Вот, оказывается, что только и требовалось от меня.

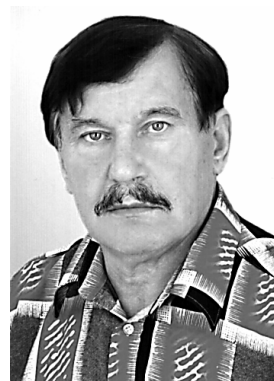
Через год я опять поехал осенью в те края. И заранее настраивал себя: да-да, жить со старым домовым в согласии, не ссориться, не раздражаться, все решать по-любовно... Однако приготовления оказались напрасными: старый пчельник сгорел. Наверное, выведенные из терпения новые постояльцы не нашли ничего лучше, как сунуть головешку под угол иссохшего трухлявого сруба. А свой безалаберный стан перенесли дальше вверх по ручью.

Тоже, так сказать, решение: спалить все дотла...





**Сергей Ставер**  
(г. Назарово Красноярского края)



## ПИСЬМО ИЗ ПРОШЛОГО

\* \* \*

Обо мне не тревожься;  
Я вернусь непременно  
На родимый порожок  
Из фашистского плена.

Не убит я, а ранен,  
Ты не плачь — не смертельно!  
Я бутоном герани  
Расцвету на постели

Алым шелком на белом  
Майской ночью лунной.  
Вострубив о победе —  
Лепестками по струнам

Золотого далека,  
Что ушло без возврата...  
И в свечении окон  
Ты увидишь солдата.

Ты не бойся, потрогай,  
Я живой... значит, вечен!  
И, спасенные Богом,  
Наши души излечим,

И опять непременно  
Наши встречи продолжим...  
Ты ведь мне во Вселенной —  
Всех родней и дороже!

\* \* \*

В фотографиях роясь,  
Примечаю одну:  
Дядя Саша и поезд,  
Что идет на войну.

С пожелтевшего фото,  
Улыбаясь, глядит  
Не вернувшийся с фронта  
Молодой замполит.

Дяде было за двадцать,  
Но не будет полста!  
Навсегда красноярца  
Приняла высота.

Над могилою небо,  
Рядом пенье Днестра...  
Никогда я там не был,  
Были мать и сестра.

И священную горстку  
Молдаванской земли  
Из далекого края  
Мать с сестрой привезли.

С неба солнышко льется,  
Золотая струя...  
Он погиб, чтоб под солнцем  
Жить сегодня мог я.

\* \* \*

Ни мосточка, ни брода...  
Боль вгрызается в нерв!  
Опустилась пехота  
В обжигающий Днепр...

И прижата шрапнелью  
К красно-мутной волне;  
Не спастись под шинелью  
Мне в разбитом челне.

Не спастись... и не надо  
Знать, что смерть впереди!  
Надо выйти из ада  
И врага победить.

Только выйти непросто  
Из кипящих глубин...  
Три броска до откоса,  
А до смерти один.

Но приказ непреложный  
Исполняет наш взвод:  
Нам назад невозможно,  
Можно только вперед!

\* \* \*

Мы с тобой — из Сибири.  
Майским солнечным днем  
Нас под Прагой убили  
Пулеметным огнем.

В сорок первом — под Ельней!  
В сорок третьем — у Цны,  
Мы в окопах сгорели  
На дорогах войны.

Мы погибли у Вены,  
Под Варшавой лежим!  
Мы во имя Победы  
Бились насмерть за жизнь!

Победили, не струсив,  
Не вернувшись с полей,  
Мы взлетаем над Русью  
Островком журавлей,

Чтоб еще наглядеться  
На рассвет и закат...  
И с простреленным сердцем  
Возвратиться назад.

**МЫ С ТОБОЙ ИЗ СИБИРИ...  
МЫ УШЛИ ПОБЕЖДАТЬ... МЫ, КОМБАТ, ПОБЕДИЛИ!**

Мы убиты вчера... плачет синяя Влтава...  
Нас с тобою, комбат, в одночасье не стало.  
Девять граммов свинца... из него смерти льются!  
Мы ушли умирать, но с победой вернуться.  
А до Праги бросок, только самая малость!  
Зажигает свечу мне в Назарово мама...  
А тебе — Красноярск, мой убитый товарищ...  
Да невеста твоя в голубой Ванаваре  
Не получит письма, белой весточки сердца...  
Не дарите нам марш из веселого скерцо.  
А сыграйте вальсок или грустное танго...  
В наш последний бросок догоревшего танка!  
Закатилась звезда... в саван нас обрядили...  
Мы ушли побеждать... мы, комбат, победили!

**ПАМЯТИ БРАТА ПАВЛА**

Я к дому родному причалил,  
Как луч догоревшей звезды...  
Игриво, совсем беспечально

Шумят золотые сады.  
Шумят, превращаясь в орнамент,  
Ранеточным жаром горя...  
И неба багряное знамя  
Над крышей полощет заря.

А где ж те деревья, что братом  
Посажены, будто вчера?  
В победном году сорок пятом  
Надеждой их пела кора.  
Надеждой и в будущем, значит,  
Но что же тогда на звезду  
Так горько и жалобно плачет  
Черемуха в нашем саду?

### **ПОСЛЕ БОЯ**

*Моему отцу,  
Разведчику Петру Ставеру*

Распласталась пехота среди черных аллей;  
Плачут пеплом сожженные вязы...  
Никогда не забыть мне смоленских полей,  
Мертвых окон разрушенной Вязьмы.

Мы уходим, уходим на новый рубеж!  
Но клянемся — назад возвратиться!  
Из днепровской воды я врываю в Серез  
И целую родимые лица.

Не стреляйте по яблоням; сладок их мед,  
Сахарятся зеленые груши...  
Пусть поймет пулеметчик — устал пулемет...  
И священный покой не нарушит.

От сибирской черемухи «белый налив»  
Так далек и так явственно близок!  
.....  
Спят уставшие парни у розовых лип,  
Словно ангелы в солнечных ризах.

### **ПЕТРУ КОВАЛЕНКО И ВОИНАМ-ФРОНТОВИКАМ**

Серебрят вам виски жизни долгой метель;  
Разлинованы лбы непростыми годами...  
На веку повидали немало смертей  
И немало друзей на веку потеряли.

Вы шагали от Волги до Эльбы-реки,  
Вы бросались под танки, ложились на дзоты...

Вы теперь ветераны, теперь старики!  
Поседевшие армии, батальоны и роты.

Пулеметным свинцом вас косила гроза,  
И сметала шрапнель, и взрывал вас фугас!  
И не раз вы смотрели злой смерти в глаза,  
И не раз умирали, спасая всех нас.

Но любовь и огонь пронесли сквозь года,  
Позади новый мир и победные горны...  
На руинах страны возвели города  
Поредевшие армии и батальоны.

Вы уходит вдаль, и редуют ряды.  
Будто в битву опять и к атаке сигнал!  
Подарили вы вечность и жизнь молодым,  
Чтобы каждый любил и печали не знал.

Серебрит вам виски жизни трудной метель,  
Разлинованы лбы непростыми годами...  
Вы в века проросли из побед и смертей  
Самой страшной войны полевыми цветами.

